

ПРОБЛЕМА ВРАЖДЕБНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ*С. О. Кузнецова*

На сегодняшний день в различных отраслях психологии представлены исследования феномена враждебности. Значительная часть исследований посвящена роли враждебности в развитии и протекании соматических (в первую очередь, сердечно-сосудистых) заболеваний, связи с тяжестью течения аллергических, онкологических, вирусных заболеваний и ранней смертностью; а также изучению связи враждебности с эмоциональными реакциями, поведением, особенностями межличностного общения в малых группах (например, в супружеской паре). Проблема же состоит в том, что понятие «враждебность» является неоднозначным, противоречивым и различными авторами трактуется по-разному.

В первых исследованиях враждебности такие понятия, как «агрессия», «агрессивность», «гнев», «враждебность», «цинизм», не имели чёткой дифференциации. Данные исследования восходят к традициям психоанализа и так называемой «психосоматической медицины». К этому направлению исследований относится концепция психодинамического конфликта Ф. Александера, который рассматривал агрессию, гнев и враждебность в качестве стенических эмоций. При этом если эти эмоции не имели разрядки в поведении человека, то их хронизация приводила к развитию определённой соматической патологии.

К первым исследованиям враждебности в рамках «психосоматической медицины» относится также и концепция «профилей личности» Ф. Данбар, в которой представлены личностные констелляции для целого ряда психосоматических заболеваний. В данной концепции агрессивность и враждебность не разводятся и относятся к эмоциональным состояниям, которые являются характерными чертами «язвенных личностей»¹.

Следует отметить, что в исследованиях Ф. Данбар делается допущение о том, что выявленные личностные особенности являются причиной или, как минимум, одним из этиологических факторов заболевания.

Похожее понимание враждебности мы находим в концепции типов поведения, где враждебность и агрессивность описывались как патогенные компоненты поведенческого паттерна типа А, рассматривающегося как существенный фактор риска ишемической болезни сердца. Хотя в от-

дельных более поздних публикациях наличие связи между поведением типа А и повышенным риском сердечно-сосудистых заболеваний было поставлено под сомнение².

Нужно отметить, что первые исследования враждебности оказались мало продуктивными, так как рассматривали враждебность в этиологии тех или иных соматических заболеваний, при этом само понятие враждебности не было дифференцировано от эмоциональных и поведенческих состояний, не проводился анализ различных характеристик враждебности. Кроме этого, в данных исследованиях не было чёткости в определении конструкта враждебности и, как следствие, использовались методы, зачастую неадекватные цели измерения враждебности.

А. Басс (1961) в своей работе попытался дифференцировать понятие враждебность, что положило начало новому направлению исследований враждебности, на которые опираются современные психологи и клиницисты³. Враждебность понималась им как длительное, устойчивое негативное отношение или система оценок, применяемая к окружающим людям, предметам и явлениям. Агрессию А. Басс определял как инструментальную поведенческую реакцию, которая носит характер наказания; а гнев – как эмоциональное состояние. Таким образом, по А. Бассу, враждебность соответствует когнитивному компоненту психики, наравне с гневом и агрессией, которые являются эмоциональными и поведенческими компонентами соответственно. Однако очевидно, что в данном случае такое деление во многом условно и искусственно.

Ещё одно понимание враждебности даёт подход Дж. Берифута⁴. Он понимал враждебность как антагонистическое отношение к людям, включающее когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Аффективный компонент составляют взаимосвязанные эмоции, включающие гнев, раздражение, обиду, презрение, негодование, отвращение и т. д. Когнитивный компонент представлен негативными убеждениями в отношении человеческой природы в целом (цинизм) и убеждениями в недоброжелательности других людей по отношению к самому субъекту (враждебные атрибуции, недоверие, подозрительность). Наконец, поведенческий компонент включает разнообразные формы проявления враждебности в поведении, часто замаскированные, – агрессию, негативизм, нежелание сотрудничать, избегание общения и т. д.

Таким образом, Дж. Берифут рассматривает враждебность как сложное образование, включающее в себя гнев и агрессию в качестве поведенческих и эмоциональных коррелятов враждебности, которые выступают её внешними индикаторами. Наиболее ценным в данном подходе представляется то, что автор вышел за пределы триады враждеб-

ность–гнев–агрессия и описал достаточно широкий спектр поведенческих и эмоциональных коррелятов враждебности. Понимание того, что враждебность не всегда ведёт к агрессии, а вместо гнева может сопровождаться другими эмоциональными переживаниями, открывает перед нами возможность самостоятельного, в известной степени изолированного изучения враждебности.

В гештальт – психологии проблема враждебности рассматривается как проблема границ Я – не Я. Так, аспекты окружения, которые человек идентифицирует и включает в своё Эго, обычно воспринимаются им с приязнью, симпатией, открытостью. Те же аспекты окружения, которые он склонен помещать «по ту сторону» границ своего Я, переживаются как отчуждённые, пугающие, как провоцирующие враждебность⁵.

В ряде зарубежных работ враждебность описывается как устойчивая психологическая характеристика. В связи с этим многие исследователи рассматривают враждебность как личностную черту или черту характера (в западных источниках они, как правило, не разводятся). Т. Смит рассматривает враждебность через категорию «отношение»⁶. Враждебность понимается им как комплекс негативных отношений, убеждений и оценок, применяемых к другим людям. Подобную точку зрения мы также находим и у некоторых других авторов.

В отечественной психологии В. Н. Мясищев, подробно разрабатывая категорию «отношение», отмечает, что враждебность формируется в процессе взаимодействия с её объектом и затем задаёт пристрастность восприятия новых объектов⁷. Таким образом, враждебность В. Н. Мясищев относит к эмоциональным отношениям. При этом враждебность ограничивается от собственно эмоций и от иных форм отношений, таких, как интересы, нравственные и эстетические убеждения.

Подобную позицию в понимании природы враждебности занимает А. В. Охматовская, которая определяет её как негативное отношение к каким-либо объектам, исследуя особенности враждебности на материале больных с бронхиальной астмой. В своей работе А. В. Охматовская показала, что объекты враждебного отношения могут быть любыми, а враждебность может быть в различной степени генерализованной.

Следует отметить, что отдельные избирательные негативные отношения к кому-либо или чему-либо характерны для большинства людей. Более того, полное отсутствие у человека враждебных отношений, по всей видимости, отражает определённую личностную дисфункцию или личностную незрелость и не способствует адаптации. С другой стороны, враждебное отношение может быть неадекватно обобщённым, вплоть до того, что человек воспринимает любые объекты или воздействия извне

как негативные, неприятные, нежелательные и т. п. В таких случаях генерализации враждебного отношения имеет смысл говорить о враждебной картине мира, которая при определённых обстоятельствах может приобретать характер патологии (например, паранойяльный бред).

Вводится также понятие общего уровня враждебности. При этом «высокий уровень враждебности» описывается как склонность человека приписывать другим объектам и явлениям негативные качества. Характеризуя человека как враждебного, мы подразумеваем, что: а) в его системе уже сложившихся отношений враждебность преобладает; б) вероятность формирования негативного отношения к новым объектам в целом выше, чем вероятность формирования позитивного, то есть имеет место определённая предвзятость. Очевидно, что общий уровень враждебности – относительное понятие, и оно во многом связано со степенью генерализации враждебных отношений.

Враждебность характеризуется рядом свойств: степенью осознанности, качественной спецификой, степенью устойчивости. Следует подчеркнуть, что данные свойства тесно взаимосвязаны с уровнем генерализованности враждебности. Например, чем конкретнее враждебное отношение, тем оно менее устойчиво. Напротив, генерализованная враждебность (враждебная картина мира) резистентна к изменениям. Что касается такого свойства враждебности, как степень осознанности, то В. Н. Мясищев отмечает, что враждебность должна осознаваться, хотя её мотивы и причины могут оставаться неосознанными. Это отличает отношение от другого, во многом связанного с ним, психологического явления – бессознательной установки. Строго придерживаясь терминологии В. Н. Мясищева, следовало бы разводить понятия «враждебное отношение» и «враждебная установка», обозначая последним недоступную рефлексии, неосознаваемую враждебность.

Подчёркивая единство отражения человеком действительности и отношения к ней, В. Н. Мясищев, таким образом, подводит нас к идее о том, что система отношений человека представляет способ реконструкции в индивидуальном сознании модели или «картины» окружающей действительности. По мнению целого ряда авторов, проблема построения субъективной картины мира относится к числу ключевых проблем психологии. Для обозначения этого внутреннего мира различными авторами используются различные термины: «модель мира», «теория реальности», «образ мира».

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть понятие «враждебность» в рамках отечественных и зарубежных представлений о картине мира. Всеми авторами подчёркивается исключительная роль картины мира в адаптации человека к условиям его существования. Картина

мира составляет основу его жизнедеятельности во всех её аспектах. Она служит базой для принятия решений и познания внешнего мира. Рассмотрение враждебности в данном контексте позволяет не только выяснить её свойства как отношения, но проанализировать механизмы влияния враждебности на различные психические процессы, а также её место в целостной системе отношений личности.

В отечественной науке работы, посвящённые изучению субъективной картины мира, как правило, выполнены в русле парадигмы «образа мира» А. Н. Леонтьева⁸. Среди основных характеристик образа мира А. Н. Леонтьев отмечает его принципиальную несводимость к совокупности образов отдельных внешних объектов, амодальность образа мира и его наполненность сверхчувственными качествами – значениями и личностными смыслами. Образ мира отличается как от обычных знаний, так и от чувственного восприятия внешнего мира.

Е. Ю. Артемьева под «картиной мира» подразумевает один из слоёв субъективного опыта, а именно – семантический слой, в котором следы взаимодействия с объектами атрибутированы субъективным отношением⁹. Картина мира, таким образом, представляет собой структурированную совокупность отношений к актуально воспринимаемым объектам. Такое понимание даёт возможность изучать эти субъективные отношения, а следовательно, и враждебность, с помощью методов экспериментальной психосемантики.

Во всех отечественных работах по данной тематике подчёркивается двоякая обусловленность картины мира: с одной стороны, индивидуальным опытом, а с другой – социально-историческими факторами. В этой связи враждебность человека, понимаемая в контексте его индивидуальной картины мира, отчасти является продуктом микро- и макросоциальных процессов и зависит от конкретной культурно-исторической реальности, в которой он оказывается.

В западной психологии исследованиями картины мира занимаются представители когнитивной психологии. С. Эпштейн вводит понятие «концептуальной системы», которая характеризует представления человека о действительности, и выделяет в ней 3 уровня: рациональная концептуальная система (сознательный уровень), эмпирическая концептуальная система или теория реальности (предсознательный уровень) и ассоциативная концептуальная система (бессознательный уровень)¹⁰. В рамках данной концепции враждебность соотносится с предсознательным уровнем концептуальной системы.

Предложенное понимание враждебности как психологического отношения, а тем более рассмотрение её в контексте картины мира создаёт

необходимость дифференциации различных разновидностей или типов враждебного отношения. Представляется целесообразным различать типы враждебности с точки зрения её объекта. И в первую очередь необходимо выделить персональную и имперсональную враждебность. Следует отметить, что предметом исследований враждебности до настоящего момента была, как правило, персональная её форма, в то время как восприятие внешнего мира как недружелюбного (в смысле преобладания в нём негативных событий), несправедливого, несовершенного обычно рассматривают вне связи с враждебностью. Тем не менее оба эти явления имеют общий радикал.

В рамках персональной враждебности отличается негативное отношение к самому себе и к другим людям. Хотя механизмы и параметры оценки себя и окружающих во многом сходны, однако враждебность в первом и втором случае может иметь различные последствия и по-разному проявляться. Примечательно, что во многих психологических теориях личности анализируется взаимосвязь этих двух типов враждебности. Так, например, в психоанализе она объясняется в первую очередь за счёт механизмов проекции и интроекции. При этом до сих пор предметом дискуссий остаётся вопрос о первичности того или иного типа враждебности. Дальнейшее деление персональной враждебности может основываться на её качественных особенностях и преимущественных формах проявления в сфере межличностного общения.

Что касается имперсональной враждебности, то, как уже указывалось, она значительно менее изучена, в связи с чем предложенное в этой категории деление является гипотетическим. Так, на наш взгляд, следует различать враждебное отношение к: а) предметам, б) явлениям и ситуациям и в) абстрактным конструктам. Как видно, в основу деления положен параметр конкретности – абстрактности враждебного отношения.

Заслуживает особого внимания так называемая абстрактная враждебность. Под этим термином понимается негативное отношение к таким категориям, как будущее, новое, жизнь и т. п. По нашему мнению, изучение различных форм имперсональной враждебности и их связи с разнообразными психологическими переменными представляет большой научный интерес.

Во многих работах, посвящённых проблеме исследования враждебности используется деление на проявляемую и переживаемую враждебность. Хотя в этих работах враждебность понимается иначе, нежели здесь, вопрос о проявляемых и скрытых признаках враждебности имеет чрезвычайную важность, так как напрямую связан с разработкой методов её изучения.

Враждебность как психологическое отношение фактически не наблюдается напрямую в поведении индивида, хотя и находит многочисленные проявления в разнообразных психических процессах и явлениях. Изучение сферы отношений личности и, в частности, враждебности, представляет, таким образом, методологическую проблему.

В этой связи необходимо уделить внимание тем психическим явлениям, через которые может проявляться враждебность, в особенности тем, чья связь с враждебностью неочевидна. Связь враждебности и гнева признаётся очевидной и практически не обсуждается в литературе. Однако здесь следует сделать важное, на наш взгляд, замечание. Дело в том, что гнев не всегда можно соотнести с враждебностью. Причина заключается в том, что он может носить исключительно ситуативный и кратковременный характер и существовать как реакция, по большому счёту, вне связи с отношениями личности. Враждебность же, как отношение, более стабильна.

Аналогичная проблема возникает при попытке сопоставить враждебность с другими эмоциями. Вообще, когда речь идёт о проявлении враждебности посредством эмоциональных состояний, имеются в виду прежде всего хронизированные эмоции. Дело в том, что относительно кратковременные эмоциональные состояния в большой степени зависят от ситуации или поведения объекта, их вызвавшего, хотя и опосредуются отношением к этому объекту или ситуации. Тем не менее враждебность может опосредовать также возникновение ситуативных эмоций: одни и те же действия человека могут интерпретироваться по-разному, а следовательно, различной будет и эмоциональная реакция – в зависимости от нашего отношения к этому человеку.

Как справедливо отмечает Дж. Берифут, помимо гнева к кругу так называемых «враждебных эмоций» относятся также раздражение, обида, презрение, отвращение, разочарование и др. Та или иная форма эмоциональных проявлений враждебности сильно зависит от качественной специфики враждебности и других её параметров. Так, презрение предполагает обесценивание объекта и приписывание ему каких-либо «недостойных» качеств, например, трусости (эти качества в каждом конкретном случае зависят от системы ценностей человека). Страх же, как правило, связан с оценкой объекта как сильного, опасного, агрессивного и т. п. Очевидно, что следствием враждебности может являться и тревога.

В ряде исследований было показано, что враждебность может оказывать влияние на процессы восприятия, внимания, мышления, эмоции. К. Ларкин исследовал влияние враждебности на восприятие эмоций, а именно на точность расшифровки выражений лица¹¹. В результате данно-

го исследования автор получил значимую корреляцию между высоким уровнем враждебности и большим числом ошибок в расшифровке эмоций. Враждебные индивидуумы, в отличие от невраждебных, чаще маркировали «отвращение» как «гнев», а «счастье» как «нейтральное» выражение лица. Кроме этого, К. Ларкин указывает на половые различия в группе враждебных индивидуумов: так, у мужчин корреляция между враждебностью и трудностями расшифровки эмоций выше, чем у женщин.

В ряде работ отмечается влияние враждебного отношения на чрезмерную избирательность восприятия (в особенности в процессе социальной перцепции). Т. Смит выявил влияние враждебности на восприятие конфликтной ситуации в супружеской паре. Враждебные люди придавали конфликтной ситуации большее значение, чем невраждебные. При этом отмечалась взаимосвязь враждебности с гневом и беспокойством (по данным самоотчётов).

Одной из ярких моделей нарушений мышления, детерминированных в том числе враждебностью, являются бредовые расстройства, паранойя. Здесь задействован механизм так называемой атрибуции враждебности, то есть приписывание окружающим людям мотивов причинения вреда на основе неверной интерпретации их поступков и высказываний, которое также является проявлением враждебной картины мира.

Как отмечает А. В. Садовская, наибольшая связь враждебности прослеживается с особенностями межличностного взаимодействия¹². Она сформулировала тезис о том, что враждебное отношение так или иначе затрудняет общение. Конкретная форма проявлений враждебности в процессе общения зависит при этом от многих факторов. Так, негативное отношение к окружающим людям может выражаться в нежелании идти на компромисс, в неумении сотрудничать, в избегании близких межличностных отношений или социальных контактов вообще и даже в стремлении выполнять самостоятельно работу, которую целесообразнее было бы поручить другим. Ярким примером здесь могут служить расовые, этнические и другие предрассудки. Являясь по своей сути формой враждебного отношения, они далеко не всегда становятся причиной агрессивных действий против соответствующих объектов. В этом смысле физическая или вербальная агрессия являются лишь частными вариантами проявления враждебности в социальном поведении.

Несмотря на то что представители различных научных школ и направлений признают патогенность воздействия враждебности на физическое и психическое здоровье людей, проблематика враждебности до сих пор не имеет единой теоретической и исследовательской парадигмы, что приводит к трудностям дифференциации и описания этого феномена и

делает исследования в этой области особенно актуальными для науки и практики. Кроме того, недостаточно разработаны психодиагностические приёмы, позволяющие оценить различные аспекты враждебности, а также эффективность методов психотерапии и медикаментозного лечения при психической патологии. Необходимость создания и совершенствования таких методов открывает перед учёными широкий спектр возможностей профилактики и лечения серьёзных психических заболеваний.

Среди направлений дальнейших психологических исследований враждебности следует выделить изучение психологических, физиологических, биохимических, наследственных и других механизмов враждебности; а также изучение влияния враждебности на «поведение в болезни» пациентов, страдающих психическими и соматическими заболеваниями. Очевидно, что это влияние обусловлено включением враждебности как психологического отношения в структуру внутренней картины болезни.

¹ Бройтигам В., Кристиан П., Рад М. Психосоматическая медицина. – М.: ГЭОТАР Медицина, 1999. – С. 48–100.

² Охматовская А. В. Психологические особенности враждебности у больных с психосоматическим заболеванием (бронхиальная астма): Автореф. канд. дис. – М.: МГУ, 2001.

³ Buss A. H. The psychology of aggression. – N.Y.: Willey, 1961.

⁴ Barefoot J. C. Developments in the measurement of hostility // Hostility, coping and health / Friedman H. S. – Washington: American Psychological Association, 1992. – P. 13–31.

⁵ Соколова Е. Т. Психотерапия: теория и практика. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – С. 212.

⁶ Smith T. W. Hostility and health: Current status of a psychosomatic hypothesis // Health psychol. – 1992. – Vol. 11. – P. 139–150.

⁷ Мясищев В. Н. Сознание как единство отражения действительности и отношения к ней человека // Проблемы сознания: материалы симпозиума. – М., 1966. – С. 126–132.

⁸ Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. Т. 2. – М.: Педагогика, 1983. – С. 251–261.

⁹ Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики. – М.: Смысл, 1999.

¹⁰ Epstein S. The self-concept, the traumatic neurosis, and the structure of personality // Perspectives in Personality. – 1991. – Vol. 3. – P. 63–98.

¹¹ Larkin K. T., Martin R. R., McClain C. E. Cynical Hostility and the Accuracy of Decoding Facial Expressions of Emotions // Journal of Behavioral Medicine. – 2002. – Vol. 25(3). – P. 285–293.

¹² Ениколопов С. Н., Садовская А. В. Враждебность и проблема здоровья человека // Журн. неврол. и психиатр. им. Корсакова. – 2000. – № 7. – С. 59–64.